

«РАЗУМ ВОСХИЩЕННЫЙ» ГЕОРГИЯ ГАЧЕВА

Филолог, автор идеи «ускоренного развития литературы», концепции содержательности художественных форм, исследований в области истории и теории образа. Создатель многотомной серии «Национальные образы мира», постигавший «возлюбленную непохожесть» народов земли. Философ, стремившийся «строить мост» между гуманитарностью и естествознанием, между науками о природе и человеке. Писатель, работавший в собственном жанре «ис-повести», жизненно-философского дневника... Таков Георгий Гачев в разных своих ипостасях.

Сам же он определял себя так: «Я — человек, живущий и размышляющий о жизни»¹. Это слова из книги «60 дней в мышлении», «книги порога», книги-открытия: в работе над ней рождался особый «гачевский» стиль, его неповторимый слог — визитная карточка в мире Духа и Слова.

Мыслитель синтетического, универалистского склада, он всегда тяготился узкими рамками одной дисциплины, отпущенная на волю мысль нудила раздвинуть границы цехового, профессионального мастерства, соединить локальные сферы гуманитарных наук: литературоведения, философии, психологии, тем самым взаимно обогащая их, вторгнуться в область естественнонаучного знания, увидев законы и формулы физики, химии, математики «глазами гуманитария».

¹ Гачев Г.Д. 60 дней в мышлении (Самозарождение жанра). М.; СПб., 2006. С. 14.

В нем жило стремление к синтезу, к диалогу, ко взаимному обогащению областей Культуры, к узнаванию близкого и родного в непохожем и дальнем, к видению Бытия в его творческой полноте. Отсюда и образность гачевского мышления, позволяющая сопрягать явления, не сопоставимые на строго-логический взгляд, раскрывать глубинные смыслы вещей, богатство их красок, их голосов, сливающихся в многоцветную и многозвучную симфонию Бытия.

* * *

«Душа человека не *tabula rasa*, не лист чистой бумаги, не мягкий воск, из которого можно сделать все что угодно, а два изображения, две биографии, соединенные в один образ»², — писал философ памяти и родства Николай Федоров.

Позднее, уже «земную жизнь пройдя до половины», Георгий Гачев (1929–2008) попытается просветить в себе этот образ. И родится его «Воспамятование об отцах»³, где он заговорит о своем болгарском корне: о родовом селе Брацигово, что раскинулось у отрогов Родопских гор, о деде, народном учителе Иване Гачеве, революционере дяде Георгии, погибшем во время сентябрьского восстания 1923 года. И об отце — Димитре Гачеве, музыковед, эстетике, историке литературы. О трагической траектории его судьбы: «Россия — Париж — Москва — Колыма». Молодой политэмигрант, в 1926 году Димитр Гачев приехал из Европы в Советскую Россию. Романтик, идеалист, он искал здесь тех начал духовного обновления, которые уже неспособна была дать славянским народам, вышедшим после пяти веков турецкого ига на арену истории, усталая, прагматическая Европа, предавшая высокие идеалы прошлого ради меркантильного, бескрылого существования. И вдохновился коммунизмом так, как вдохновлялся творениями величайших творцов мира, поставив его на ценностной шкале вровень с высокими явлениями культуры мира. Сообщая в Болгарию о встрече с будущей женой, музыковедом, педагогом Миррой Брук, Димитр Гачев писал родным: «Мы прекрасно понимаем и подходим друг другу. Она точно так же страстно любит природу и искусство, как и я. Нас больше всего связывают Бах, Бетховен, Вагнер, Мусоргский, Скрябин, Коммунизм, Природа»⁴.

«Баща е в мен» — «отец во мне»⁵ — любил повторять Георгий Гачев слова Петко Славейкова, сына знаменитого болгарского поэта. Отец, действительно, дал ему очень многое. Еще в юности, когда Митко Гачев уходил в горы с флейтой, его сестра Велика прозвала его «Господин Восхищение». И позднее сын Георгий не раз будет повторять, что в нем самом действует не «Разум Возмущенный», что кипит и нудит на разделение и вражду, но «Разум Восхищенный». Разум, исполненный радости и доверия к бытию, готовности послужить ему и потрудиться в нем, «ПРИ-бавок в Логосе в творение Бога внося — продолжая его, становясь...»⁶.

От мамы пришла к нему музыка, ставшая его второй стихией. В юности он долго будет колебаться: музыка или литература. Параллельно с учебой в аспирантуре поступит на теоретико-композиторское отделение училища им. Гнесиных. Положит на музыку знаменитую державинскую «Реку времен», пушкинское «Воспоминание». А уже в зрелые годы напишет развернутый эстетико-философский этюд «Музыка и световая цивилизация» (М., 1999). В дневнике, который Гачев будет вести на протяжении 45 лет, многие страницы посвящены переживанию музыки как воплощенной Красоты и

² Федоров Н.Ф. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 282.

³ Гачев Г.Д. Воспамятование об отцах // Гачев Г.Д. Жизнь с Мыслью. М., 1995. С. 325–370.

⁴ Дмитрий Гачев. Статьи. Письма. Воспоминания. М., 1978. С. 173.

⁵ Гачев Г.Д. Предисловие много лет спустя // Гачев Д. Колымские письма. София, 2003. С. 8.

⁶ Гачев Г.Д. «Бог отвечает на моления явлением Красоты» (Из последних жизненных мыслей) // Литературная газета. 30 апреля 2008.

Гармонии бытия. И сама творческая манера письма, «способ развития литературно-философской мысли»⁷, по собственному его признанию, испытает на себе влияние музыкального стиля мышления: экспозиция, разработка, вариации...

Но все это будет позднее. Пока же — шло обычное московское детство. Георгий учился в школе, занимался музыкой, много читал. В школе после занятий крутили кино, устраивали утренники, разыгрывали сказки. В квартире Гачевых в доме Коминтерна (№ 16 А по Выставочному переулку), где жили политэмигранты из разных стран мира, часто собирались друзья матери и отца, шли творческие разговоры, устраивались импровизированные концерты.

В феврале 1938 г. арестовали отца.

В течение восьми лет, с Колымы, Димитр Гачев слал жене и сыну письма. В нечеловеческих условиях он сумел жить, не угашая духа, думая «о великих творческих эпохах прошлого, об искусстве древних греков, о Ренессансе, о Шекспире, о классической немецкой философии и, наконец, <...> о музыке»⁸. Издалека руководил духовным развитием сына. Учил его не быть головастиком, иссушающим тело и душу, рисовал идеал гармоничного человека, завещанный миру античностью. Ориентировал «на высокую классику — и в то же время на простоту и народность, на гармонию между Духом и природой — и в бытии, и в миропонимании, и в образе жизни»⁹. Намечал целую программу чтения и изучения всемирной литературы — от Гомера до Гамсуна, призывал читать исторические и литературоведческие сочинения, дабы увидеть «развитие литературы как единый исторический процесс»¹⁰.

В 1941 году началась война. Вместе с матерью двенадцатилетний Георгий эвакуировался в Татарстан. В деревне Казанка впервые он, городской житель, начал «вживаться, вращаться в жизнь народную и природную, крестьянскую»¹¹. Ходил за плугом, косил, возил дрова из леса. Весной переехали в Бугульму, но летом 1942-го Георгий снова вернулся в Казанку и пристроился работать в колхозе. Полюбил полевые работы, лошадей, радость общего труда. Все это отозвалось в нем в зрелые годы. На протяжении сорока пяти лет каждую весну он стремился в деревню, к земле, со значением повторяя, что имя «Георгий» значит по-гречески «земледелец». В 1972 г. купил избу в Новоселках, и 1 мая, в свой день рождения, неизменно сбегал туда на «весенний сев». Время деревенской жизни имело свой распорядок: по утрам под березой, посаженной младшей дочерью Ларисой, Гачев несколько часов напряженно работал на старенькой пишущей машинке (компьютер, дитя цивилизации XX века он так и не освоил до конца своих дней), ближе к обеду и во второй половине дня — трудился на огороде: копал землю, делал грядки, бросая в них семена, окучивал картошку, носил воду, поливал; вечером читал и опять шел на грядки.

Завет отца «не быть головастиком» Гачев помнил всегда. «Кабинетное» философствование, сухой, «академический» стиль мышления был ему чужд. Он сопротивлялся примату теории над дышащей, живой реальностью и больше всего боялся «Жизнь не прожить». Недаром еще в 1948 году, будучи выпускником филфака МГУ, которому предлагали вполне благополучную должность в Москве, в Издательстве литературы на иностранных языках редактором-болгаристом, он отказался от этого теплого и спокойного места и уехал учителем в Брянск. Внешне картинка так и просилась на передовицу советской газеты. Но двигал Гачевым вовсе не комсомольский энтузиазм, а стремление расширить жизненные горизонты, стать самостоятельным, увидеть жизнь и людей. Учителство в Брянске дало опыт не менее важный, чем подростковый опыт

⁷ Само- и миро-познание Георгия Гачева // *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Эллада. Германия. Франция. М., 2008. С. 410.

⁸ Д. Гачев — М. Брук. 15 августа 1939 // *Гачев Д.* Колымские письма. С. 71–72.

⁹ *Гачев Г.Д.* Жизнеописание. Дневник 2003 г. Архив семьи Гачевых.

¹⁰ Д. Гачев — Г. Гачеву. 2 декабря 1944 // *Гачев Д.* Колымские письма. С. 151.

¹¹ *Гачев Г.Д.* Жизнеописание. Дневник 2003 г.

крестьянской жизни. Двадцатитрехлетнему юноше пришлось выстраивать отношения с учениками из рабочих семей. И у него получилось: спустя три года бывшие растяпы и хулиганы отпускали молодого учителя в Москву со слезами. Что, впрочем, не удивительно: Гачев видел в классе не массу, которую надо принудить к повиновению, а собрание личностей, вникал в душу и характер каждого ученика, даже самого «трудного», уважал мнение и выбор ребят.

Потом была аспирантура в Институте мировой литературы, и работа в Отделе теории, где на рубеже 1950-х — 1960-х годов усилиями молодых ученых В.В. Кожина, С.Г. Бочарова, П.В. Палиевского, Н.К. Гея, Ю.Б. Борева и самого Гачева создавалась новая теория литературы. А параллельно — занятия альпинизмом, походы на Кавказ — туда, в горы, подальше от стреножающего державного социума. Восхождения на вершины, среди которых Эльбрус — самая высокая гора тогдашнего СССР. И неизменно сопровождавший каждое восхождение восторг перед Бытием.

Этот восторг, источное доверие Жизни превращал даже круцификсные моменты жизни Георгия Гачева в опыт само- и миропознания. Именно так — как Дар Бытия — воспринял он те четыре месяца, что пробыл осенью 1954 г. в Центральном туберкулезном институте (врачи обнаружили в легких болезнетворный процесс). «Моя “Волшебная гора”» — так называл потом это место и это время.

«Угодил в Вакуум, “никто не ждет меня”. Но это же — Свобода! И от себя самого: от своих целей и напряжений. “Ныне отпускаеши”. Отпуск от жизни и ее Труда. <...> Пора очухаться и шанс задуматься тебе дается: а правильно ли ты жил и понимал?» «Праздность вольная» стала «подругой размышленью». Именно здесь у Георгия Гачева, советского юноши, началось «мировоззренческое пробуждение», толчок которому дало сомнение: «А отчего это мы идеальное общественное устройство — только по Марксу и Ленину соображаем?»¹² И он начал читать утопических социалистов, особенно Ш. Фурье, вникая в его «серии по страстям», что ему, горевшему в огне молодого Эроса, было особенно близко. Это было начало. Вскоре последовали Гегель, Платон, досократики, «Веды».

Вернувшись в Москву, Гачев начал разрабатывать теорию «ускоренного развития литературы». Склонный к образному, метафорическому мышлению, он любил называть ее «теорией относительности в гуманитарной культуре»¹³. Суть концепции в том, что в XIX и XX вв. народы, культурное развитие которых было заторможено историческими обстоятельствами, вступая на арену культуры, за короткое время проходят основные стадии мирового культурного развития, «догоняя» Европу, в которых эти стадии подчас занимали столетия. Так писатели Болгарии, на пятьсот лет замороженной в своем развитии турецким игом, в начале XIX века еще «слагают героический эпос и пишут жития святых»¹⁴ (притом что в Европе в это время романтизм и царит гений Байрона). Но затем, буквально за какие-то пятьдесят лет происходит стремительный переход «от коллективных, фольклорно-религиозных памятников духовного творчества к романам, стихотворениям, то есть продуктам индивидуального писательского творчества»¹⁵. Стремительно «проходит» молодая литература Средневековье, Возрождение, Просвещение, сентиментализм, романтизм, «и в середине XIX века Ботев пишет уже по-пушкински». Получается, что «полвека Болгарии стадияльно равны трем тысячелетиям западноевропейского процесса»¹⁶.

Более того, один писатель подчас может вмещать в своем творчестве несколько стадий литературного развития. К примеру, Петко Славейков, окончательно

¹² Там же.

¹³ Само- и миро-познание Георгия Гачева // *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Эллада. Германия. Франция. С. 410.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Гачев Г.Д.* Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М., 1989. С. 25.

¹⁶ Само- и миро-познание Георгия Гачева // *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Эллада. Германия. Франция. С. 410.

утверждающий на почве Болгарии «литературу как искусство», идет от увлечения религиозно-житийной литературой через гедонистическую лирику в духе Ренессанса к романтическим поэмам и социальной, гражданственной лирике, близкой реализму Шевченко и Некрасова»¹⁷. А в романе Ивана Вазова «Под иггом» разные стадии эпоса (гоголевского и толстовского) сливаются с элементами сентиментально-романтической мелодрамы в духе Виктора Гюго. «В реализме этого романа сливаются и реализм Возрождения, и просветительский, и критический реализм»¹⁸.

Теория ускоренного развития родилась в пору увлечения Гачева Гегелем, которого он постигал в беседах с философом Эвальдом Васильевичем Ильенковым. Создавая ее, Гачев стремился понять, как всеобщее, универсальное проявляется в частном, национальном, постичь «феноменологию духа» народа, увидеть, как «онтогенез», индивидуальный опыт духовного роста национального целого повторяет «филогенез», опыт развития человечества, выработанные им в этом развитии формы быта, государственности, культуры.

Уже в «Ускоренном развитии...» проявились характерные черты творческой манеры Гачева. Прежде всего, это стремление к целостности мышления. Автору близок не механический, расчленяющий явление на сумму частей и деталей подход, а органический, позволяющий постигать явление в его единстве, выявить его энтелехию, его «душу». И часть он рассматривает так, чтобы сквозь нее видеть предмет в его полноте, располагает объектив своего исследовательского аппарата «у того сочленения, “сустава” каждого явления, где “целое” само переливается в “часть”, а из частей воссоздается (новое) целое»¹⁹.

Г.Д. Гачев требует брать художественное явление в тех связях и смыслах, которые адекватны времени его создания, а не привнесены из современности. Требуется принять «за исходную систему отсчета» «всю целостность жизни данного народа в данную эпоху»²⁰. Вот оно, предвестие будущих исследований национального — от еды и религиозных предписаний до литературы, музыки, костюма, образов пространства и времени.

И еще одну черту творческого мышления Георгия Гачева обнаруживаем уже в первой книге: ему важен не результат, а путь к нему, то есть самый процесс мышления, постигания истины. Он — как альпинист, который покоряет вершину — карабкается, ищет пути, идет по ледникам, уворачивается от снежной лавины, пока наконец дойдет до вожаделенного пика.

Гегелевская идея развития была положена в основу статей Г.Д. Гачева в знаменитой трехтомной «Теории литературы. Основные проблемы в историческом освещении» (М.: ИМЛИ РАН, 1962–1965). Здесь он исследовал развитие образного сознания в литературе. Выводы, сделанные в статье, легли в основу книги «Жизнь художественного сознания» (1972). В ней Георгий Гачев рассматривал «становление художественного образа», его «природу и структуру», намечал общую картину эволюции художественного сознания на материале мировой литературы. Продолжением книги стала монография «Образ в русской художественной культуре» (М., 1981; именно она была защищена как докторская диссертация), где объектом анализа образа в его становлении и динамике стала русская литература, а в ней творчество Пушкина, Тютчева, Гоголя, Толстого, Достоевского, Шолохова, Горького... В книге «Образ в русской художественной культуре» много внимания уделено особой роли русской классической литературы, которая в XIX в., с точки зрения Г.Д. Гачева, «выполнила роль национальной русской философии»²¹, причем как качественно новое, невиданное доселе явление.

¹⁷ Гачев Г.Д. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. С. 345.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 28.

²⁰ Там же. С. 27.

²¹ Гачев Г.Д. Образ в русской художественной культуре. М., 1981. С. 12.

Русский способ философствования по своей природе художественен, и сама русская жизнь для своего выражения «требуется не философской системы, а романа»²². В рамках исследования философской составляющей литературы будет в 1960 г. написана работа «Логика вещей и человек. Прение о правде и лжи в пьесе М. Горького «На дне»», изданная, как и большинство произведений Гачева, много позднее (М., 1992).

Увлеченность Гачева идеей развития, столь ярко проявившаяся и в концепции ускоренного развития литературы, и в теории образа, уже в начале 1960-х годов все чаще соседствует со вниманием не к процессу движения, а к тому, *что* именно движется. Стремление понять «изменчивость» литературы, «новаторство литературной эпохи» соединяется со стремлением «вскрыть, что такое традиция — и не в ее отрицательном аспекте тормоза, оков, той материи, что сопротивляется новым идеям, а в ее благотворной роли»²³, обеспечивающей преемственность в культуре, взаимопонимание эпох, народов, поколений. А еще — увидеть литературу и жизнь, творчество и бытие в их взаимопроникновении и единстве. Так рождается концепция содержательности художественных форм, изложенная и во втором томе «Теории литературы», где соответствующая статья написана Гачевым в соавторстве с В.В. Кожинным, и в монографии «Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр» (М., 1968). «Литературные структуры, — подчеркивал Гачев, — которым мы теперь, омертвив и превратив в схемы, подводим под категории рода и вида: драма, сатира, элегия, роман, — при своем рождении были живым истечением литературно-художественного содержания, которое в данном историческом состоянии мира (типе отношений общества и индивида) возникало как наиболее органичное выражение ситуации жизни в литератур. Литературная структура абсорбирует в себя это жизненное содержание и потом излучает из себя на каждую новую эпоху, идею, писателя, которые безмятежно обращаются к ней, не представляя себе, с каким самовоспламеняющимся огнем они будут играть. Форма, так понятая, живет уже как нечто реальное, а не как удобная конструкция сознания эстетика и теоретика литературы»²⁴. Активность формы, кумулирующей в себе силу традиции, есть сила «почвы», отражает она в себе «глубинную устойчивость бытия, простоту и ясность его коренных ценностей, которые не поддаются расползанию в суетливой свистопляске новизны и моды». Соответственно творение художественного текста «протекает как своего рода единоборство новой творческой идеи и преднаходимой жанровой структуры»²⁵.

Чтобы понять, какое архетипическое содержание излучают литературные формы, Георгий Гачев идет к их истокам, к их формированию в культуре античности — там, где прорастали они из почвы жизни, запечатлевая в себе опыт, мышление, миропонимание древних. А затем обращается к культуре Нового времени, к европейской и отечественной литературе, показывая, как художественное произведение творится в сложном взаимодействии индивидуального мышления писателя и источного мировидения, запечатленного в самой плоти эпоса, лирики, драмы.

Третью творческой жизни Гачева прошла под знаком историко-литературных исследований. Переход от литературоведения к культурологии, которой отдаст он сорок лет жизни, к исследованию национальных образов мира совершался постепенно и органично. Само обращение к проблеме ускоренного развития заставляло всматриваться в культуры славянских, а затем азиатских народов, искать у писателей «национально своеобразные ситуации, повороты сюжета, характеры, особенности стиля»²⁶. Именно под таким углом зрения рассматривал Г.Д. Гачев повесть Ч. Айтматова «Джамиля». С одной

²² Там же.

²³ Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. Изд. 2-е. М., 2008. С. 12.

²⁴ Там же. С. 17–18.

²⁵ Там же. С. 20.

²⁶ Гачев Г.Д. Любовь — Человек — Эпоха. Рассуждение о повести «Джамиля» Чингиза Айтматова. М., 1966. С. 5.

стороны — здесь «мировая литература в одном художественном произведении»: в герое повести Данияре чудятся «приметы байроновского героя», «развитие характера Джамили» напоминает «о становлении личности в эпоху Ренессанса», а коллизия повести, рисующей «разлом патриархального единства индивида с обществом», отсылает к «коллизиям античной и шекспировской трагедии»²⁷. С другой, повесть запечатлевает национальный опыт, «самосознание киргизского народа», несет в себе его образ мира.

Вслед за Гегелем, дань которому Г.Д. Гачев отдал в своей первой книге, в его жизнь вошел Бахтин. Летом 1961 г. молодые создатели новой «Теории литературы» Г.Д. Гачев, В.В. Кожин, С.Г. Бочаров отправились в Саранск, на встречу с автором «Проблем поэтики Достоевского», создателем концепции полифонизма. Ночь простояли в поезде в тамбуре. А утром пришли в Университет, где работал Бахтин. «И мне виделось так, — вспоминал Г.Д. Гачев спустя четыре десятилетия, — мы внизу, а сверху вдруг появился шар головы приземистого человека на костылях, в лучах солнца голова — как в нимбе-ореоле»²⁸. Потом долго сидели «в двухкомнатной квартирке Бахтиных на 1-м этаже <...> говорили, спознавались»²⁹. Позднее в филологических кругах обсуждался вопрос: «Стоял ли Гачев на коленях перед Бахтиным?»³⁰, на который сам Гачев обычно отвечал: «И стоял, и не стоял», подчеркивая, что в какой-то момент, восхищенный словами Бахтина, придвинулся поближе к нему и спросил: «Научите, как прожить жизнь чисто и абсолютно!»³¹.

Главный урок Бахтина Гачев для себя определил так: «Мышление как нравственный поступок»³². Творчество — не просто самореализация, но душевно-духовное возрастание личности. Не позволять себе никакого компромизма, не предавать истину ради требований идеологии — этому научила Гачева саранская встреча. И в своей собственной творческой судьбе он реализует опыт Мышления в пространстве Свободы. Взрывая каноны объективного научного исследования, потащит на подмостки строгой науки живую жизнь со всеми ее вопиющими «не»: немудряща, неотесана, неприглажена... Выставит, как говорил Достоевский, «рожу сочинителя». Дерзко уравнивает в правах Бытие и Мышление.

«60 дней в мышлении. Дневник одного путешествия вокруг света, или роман от приключениях мысли» Гачев напишет в августе — октябре 1961 года. Это книга «отчаянного жанра» (так определит он ее в авторском предисловии «тридцать лет спустя»³³), где исследование теоретических проблем литературы³⁴ сплетается с самоисследованием. Это первая попытка уравнивать в культурных правах бытие и мышление, показать, как внутренний, личный опыт познающего субъекта отражается на самом предмете анализа. Позднее он назовет свой метод «экзистенциальной культурологией», «ПРИ-влеченным мышлением». Оно в отличие от мышления отвлеченного, строго блюдеющего свои границы и не пятнающего себя соприкосновением с повседневностью, утверждает целостность, «взаимопереплетенность жизни и мысли»³⁵. «В науке XX века открыли, что прибор влияет на эксперимент. А в гуманитарной науке что — прибор? А вот я, человек, живущий под умом ученого»³⁶. В книге «60 дней в

²⁷ Там же. С. 3, 4.

²⁸ Гачев Г.Д. Жизнеописание. Дневник 2003 года.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Новое литературно обозрение. 1993. № 3; Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 1).

³¹ Гачев Г.Д. Жизнеописание. Дневник 2003 года.

³² Само- и миро-познание Георгия Гачева // Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Эллада. Германия. Франция. С. 411.

³³ Предисловие тридцать лет спустя // Гачев Г.Д. 60 дней в мышлении (Самозарождение жанра). С. 9.

³⁴ Упомянутая выше книга «Содержательность художественных форм» (М., 1968) — оскопленный, урезанный текст этого «романа мышления».

³⁵ Само- и миро-познание Георгия Гачева // Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Эллада. Германия. Франция. С. 415.

³⁶ Там же.

мышлении» сплавлены жанры научного сочинения, личного дневника и философского комментария. Неслиянно-нераздельно соединяются в авторе литературовед-теоретик, человек живущий и мыслитель, рефлектирующий над их диалогом.

Внутренняя свобода дала Георгию Гачеву смелость быть свободным не только в сфере литературного слова. Поступком с большой буквы стало его выступление в 1966 г. в ИМЛИ на общем собрании, созванном для бичевания Андрея Синявского³⁷. Это было не политическое выступление, а совестный акт, подогретый стыдом за прежнее свое малодушие, когда в 1958 году на подобном же собрании, созванном после выхода на Западе романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», он поднял руку за осуждающую резолюцию.

А чего стоил знаменитый гачевский уход на флот! Когда в 1961 году началось редактирование написанных им глав для «Теории» литературы и стали резать по живому, лучшие куски текста, Гачев ощутил всю невыносимость грубого насилия над словом, над процессом мышления, который для него был священен. Параллельно в издательстве цензор-редактор оскоплял его новую книгу «Творчество в жизни и искусство». «Удушение приперло к горлу — и вся жизнь такая нынешняя мне невмоготу, невыносима стала»³⁸.

Гачев делает выбор: оставляет институт и Москву и уходит в народ. С января по май 1962 г. живет в Молдавии, в болгарском селе Твардица, работает за токарным станком, в автомастерских, не чурается и поденщины. А затем полтора года плавает матросом на танкерах по Черному морю («Почувствовал себя мужиком на физической работе — не интеллигентским хлюпиком»³⁹). Вместе с болгарским писателем Иорданом Радичковым едет в Сибирь и Якутию. И только когда вновь просыпается в нем интеллектуальный голод, возвращается в родной ИМЛИ.

Но за плечами уже был «акт свободы». И творческой, заявившей о себе в книге «60 дней в мышлении», и экзистенциальной, которую Гачев вдохнул в своих пеших и морских странствиях по России. И он стал смело отказываться от навязываемого научного плана, в подкладке которого неизменно стояла идеология. Ему хотят дать тему внутри труда по поэтике соцреализма — а он заявляет, что про это он не умеет писать и хочет заниматься национальными образами мира в литературе. Спустя несколько лет его захватит интерес к наукам о природе, начнется работа над «гуманитарным комментарием к естествознанию» и он, вызывая возмущение академической братии, будет с истинным вдохновением сравнивать электромагнетизм и романтизм, психоанализ и строение вещества. А в 1972 году волевым образом снова переменит судьбу: перейдет из ИМЛИ в Институт истории естествознания и техники, дабы иметь и дальше «строить мост (рыть туннель?) между <...> так далеко разошедшимися ныне сферами культуры»⁴⁰.

Незадолго до этого перехода, в 1969 году, произошла та внешняя катастрофа, которую Гачев сумел не только принять, но осмыслить для себя как орудие Провидения, как тот необходимый толчок, который выбросил его в пространство абсолютной духовной свободы. 3 марта в газете «Известия» появилась разгромная статья профессора В.А. Разумного на книгу «Содержательность художественных форм», написанная в жанре «научного доноса». Разумный назвал книгу «идеологически порочной». Санкции последовали незамедлительно: сняли Председателя комитета по делам печати, директора и редактора издательства «Просвещение», в котором была напечатана злополучная книга. А самому Гачеву отныне был закрыт ход в печать.

«Благословляйте врагов ваших» — Гачев любил повторять эти евангельские слова. Теперь никакие соображения печатности и публичности, «проходимости» того или

³⁷ См.: Гачев Г.Д. Андрей Синявский — Абрам Терц. М., 2000. С. 6–10.

³⁸ Гачев Г.Д. Жизнеописание. Дневник 2003 года.

³⁹ Само- и миро-познание Георгия Гачева // Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Эллада.

Германия. Франция. С. 411.

⁴⁰ Там же. С. 414.

иною текста не мешали ему. Он стал писать в стол. Ориентируясь не на издателя, читателя и эпоху, к которым волей-неволей приравнивается всякий автор, а на Истину и Абсолют.

В течение сорока лет Георгий Гачев вел жизненно-философский дневник. «Секретарствовал Бытию», записывая «опыты жизни и мысли каждого дня»⁴¹. Для него не было профанных мгновений и ситуаций, существующих за пределами Мысли и Слова, не было неинтересных людей. И те, что себя вписали в культуру, и те, что проходили бесследно для большой истории — просто живя, — становились его собеседниками-соразработчиками — в Культуре и Духе. В его «писаниях», как называл он тома своих «жизнемыслей», оживают образы и звучат голоса этих ушедших: дед Никита из деревни Щитово, соседка Анюта из Новоселок, милый Васька Воробей, за жизнь не обидевший и мухи и убитый дружками-завистниками, позарившимися на его добро. Десятки, сотни лиц человеческих...

Внутри дневника, где каждый год занимал более 1000 рукописных, а затем, когда Гачев перешел на машинку, и печатных страниц, располагались философские труды и исследования. Императивы «познай самого себя» и «познай мир» были соединены воедино. Именно в жанре «жизнемышления» создавал Гачев свой главный труд — многотомную серию «Национальные образы мира». Не имея возможности реально увидеть мир (за границу его не выпускали), он предпринял «интеллектуальные путешествия» по национальным Вселенным, рассматривая каждую национальную целостность как Космо-Психо-Логос: единство природы, в которой живет народ, национального характера и способа мышления.

Его неизменно восхищало многообразие понятий, верований, культурных традиций, и он призывал не судить, но ценить иные точки зрения, иные модели поведения, иные уклады народной и государственной жизни. «Возлюбленная непохожесть» — ее как величайшую драгоценность являл он читателю в своих воображаемых прогулках по Англии и Америке, Франции и Германии, Болгарии и Польше, Прибалтике и Кавказу... Познание, движимое восхищением перед разнообразием Бытия, отражающим себя в национальных мирах и культурах, виделось Гачеву путем к пониманию, к преодолению взаимных претензий и счетов. Именно оно, верил он, и рождает в народах взаимное доверие, сердечную теплоту, без которой скудеет и стынет мир.

Образу России в «экзистенциальной культурологии» Гачева отведено центральное место. Что, впрочем, не удивительно. И формула «самопознание через миропознание», и самый способ жизнемышления был дан ему русской культурой с ее пафосом всечеловечности, исконным стремлением преодолеть разрыв между Творчеством и Бытием. Но не забывал философ и родную Болгарию. Тем более, что в 1986 г. он перешел в Институт славяноведения и балканистики, где проработал до конца своих дней.

Когда Георгий был маленьким, его отец ностальгически восклицал: «О, България, България! Хубава планина!» Восемнадцатилетним сын совершил первую поездку в Болгарию, воочию увидел священные горы Старой планины и не мог сдержать слез: «О, если б отцу такое выпало!» Свою первую научную работу он написал о болгарском поэте Христо Смирненском. А книгу «Ускоренное развитие литературы» делал на материале болгарской литературы. Когда Гачев писал эту книгу, в 1957 г. он объездил всю Болгарию, постигал этнографические особенности страны, впитывал природу, культуру, быт.

Исследуя болгарский Космо-Психо-Логос уже в рамках серии «Национальные образы мира», Гачев вновь возвращается на родину предков, принимает к истокам. С пространств огромной равнинной России переносится в малый космос, где так родственно-тепло и сердечно, где национальный дух тесно спаян с национальной плотью, с вековой традицией быта, где доминирует «ты-мышление» и «звательный Логос». А

⁴¹ Там же. С. 412.

через тему Болгарии выходит к теме славянства, славянского типа мышления и славянского мироощущения, к раздумьям о месте славянства в универсуме человечества. Как славяне воспринимают иное: иной мир, иной космос? Из этого источного вопроса рождается работа «Америка глазами славян»: мир «ургии» без «гонии» — так воспринимают Новый свет болгары, чехи, поляки, русские. Отдавая дань филологии, Гачев идет в своем исследовании через Слово, через литературу, вбирающую в себя Мысль и Жизнь. Польский образ Америки дает по Г. Сенкевичу, русский — по В. Набокову и М. Горькому.

В годы перестройки Г.Д. Гачев постепенно вернулся в печать. 30 книг и более 300 статей было опубликовано им с 1985 по 2008 годы. Среди них книга «Ментальности народов мира», представляющая собой курс лекций, прочитанных в сентябре — декабре 1991 г. в Америке: в концентрированном виде представил в ней Гачев свои многолетние и многотомные штудии. И все же главной мечтой философа было издать «Национальные образы мира» отдельной серией — в 17 томов. Увы, в эпоху экономического развала, наступившего в России в 1990-е годы, это было почти так же неосуществимо, как печатание данной серии в идеологизированном СССР.

Завершающий труд серии «Национальные образы мира», над которым Гачев работал в последние годы жизни, был посвящен национальным вариантам религиозного чувства. «Венец моих национальных штудий»⁴² — так называл его автор. Английский и германский, французский и итальянский, американский и болгарский образы мира предстали в книге преломленными сквозь призму веры; были описаны космос ислама и русская религиозность в ее отражениях в быте, литературе, культуре. А еще Гачев хотел создать «Философию быта — как бытия», приступ к которой в свое время сделал в книге «Вещают вещи. Мыслят образы» (М., 2000). Осуществить этот замысел он не успел.

За год до трагической гибели младшая дочь Лариса подарила отцу часы. Первая запись 2007 г. начинается строчкой: «Лариса подарила часы. Мemento мори. Готовь архив в РГАЛИ»⁴³. Когда-то создавший себе эпитафию «Упуская время, жил счастливо», теперь он начинает думать о том, чтобы успеть издать хотя бы часть своих «космосов» (так называл он серию «Национальные образы мира»), пусть начерно, но считать свои «писания». И выводит новое задание для Мысли и Жизни: «Жить в векторе исчезновения». «Опыты исчезновения — моя последняя книга». «Опыт выписывания из Жизни <...>. Не Про-писки, т. е. во что-то врезаться, втвердиться в каком установлении-учреждении — ну, как “писатель” в установлении “литературы” — но наоборот, вспятое движение осуществлять: на него повернуть и вежи сей трассы, опыта! — в уразумениях — фиксировать»⁴⁴.

Это был подлинный экзистенциальный и мыслительный опыт. Опыт трудный — как трудно существу мыслящему и живущему смириться с тем, что, по слову шестнадцатилетнего Лермонтова, «настанет день, когда я не смогу сказать “я”»⁴⁵, но одновременно опыт очищающий и просветляющий, опыт не бунта, но смирения и умудренности духа. Каждое утро, садясь за письменный стол, Георгий Гачев с радостным и умиленным сердцем смотрел на мир за окном. На осенние листочки, дрожащие на ветвях и еще не оторванные бурным ветром. Как и им, ему хотелось еще продержаться в бытии, еще побороться. И он мыслил, и писал, и жил. И все сильнее ощущал трагическую стреноженность духа в немощном теле.

⁴² Само- и миро-познание Георгия Гачева // *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Эллада. Германия. Франция. С. 418.

⁴³ *Гачев Г.Д.* Дневник 2007. Архив семьи Гачевых.

⁴⁴ *Гачев Г.Д.* Из жизненных мыслей последних лет (2005–2008) // *Гачев Г.Д., Бибихин В.В., Семенова С.Г., Пигров К.С.* Дневник современного философа. М., 2009. С. 50.

⁴⁵ М.Ю. Лермонтов — М.А. Лопухиной, 2 сентября 1832 // *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч. Т. 4. М.; Л., 1948. С. 480.

Эта телесная ограниченность, немощь, постигающая человека на склоне лет, также была экзистенциально осмыслена, пережита как нравственный урок. Всю жизнь Гачев культивировал в себе самодостаточного человека, ренессансную, полноживущую личность. Спорил всей своей судьбой со знаменитым тезисом: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Но теперь, когда в автобусе или метро простые, милые люди уступали место, заботливо подсаживали или помогали сойти, банальная, набившая оскомину фраза наполнялась высшим, человеческим и Божеским смыслом. Любовь, доверие, «всечеловеческое родство», «ты — еси» — вот что в ней проступало.

За две недели до гибели Георгию Гачеву было дано почти мистическое переживание этой общности и родства всех со всеми. Это произошло в храме, в день Прощеного воскресенья. Стоя в толпе «предстоящих и молящихся», «не отлученным-одиноким», а «с народом и со всеми», умиленно глядя на «множество женщин всех поколений: и старых, и молодых, и деток на руках мамочкиных», он ощутил «мир как Все-Любовь всех ко всем», ощутил главное — «любимость человечества»: «И все люди любимы — и я ими всеми — снисходительны — и принят великодушно во Вселенную человек: прощён и принят — и кругом мир. Любовь. Красота. Радование... Вселенная прекрасная вечно есть и щедра и без тебя — всё всем даровано и есть. И можешь спокойно исчезать»⁴⁶.

«Жизнь без начала и конца, Нас всех подстерегает случай» — писал Александр Блок. 23 марта 2008 года Георгий Гачев вышел из дома. Переходя железнодорожные пути на станции Переделкино, не заметил поезда, отъезжавшего от перрона. Смерть наступила мгновенно.

Был день католической Пасхи. По православному календарю — память святителя Григория Паламы, учившего об обожении и благодати Духа Святого. «Всечеловек» Георгий Гачев, которому был внятен религиозный гений разных народов, мыслитель, всю жизнь проводивший в стихии Духа, переходил в вечность именно в этот день.

Всю свою жизнь он, Георгий-земледелец, прикивал к русской почве: и умом, постигая в своих сочинениях загадку русской ментальности, и сердцем, пестуя в себе дар «всемирной отзывчивости», и крестьянским трудом. Место его последнего упокоения — не в душной городской Москве, не на престижном Ваганьково, а на старом сельском кладбище, под кронами деревьев, овеваемых ветром. Русская земля бережно и любовно приняла его в свое лоно — до светлого часа грядущего Воскресения.

Анастасия Гачева

⁴⁶ Гачев Г.Д. Из жизненных мыслей последних лет (2005–2008) // Гачев Г.Д., Бибихин В.В., Семенова С.Г., Пигров К.С. Дневник современного философа. С. 80.